ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-9-17

ОБРАЗ СТАЛИНА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА М. ПЛИСЕЦКОЙ

Хуан Сяоюй

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Введение. Моделирование языковой личности осуществляется на основе анализа разных типов текстов. Исследование языковой личности в эмотивно-оценочном дискурсе наиболее полно раскрывает эмоциональную и ценностную картину мира говорящего и его коммуникативные стратегии в эмоциональной и оценочной интерпретации действительности. Представлен анализ образа Сталина в ценностной картине мира М. Плисецкой, репрезентированной в ее мемуарном дискурсе.

Цель – выявить эмотивно-оценочную лексику в экспрессивном дискурсе языковой личности и определить основные стратегии в предъявлении негативной оценки Сталина, реконструировать языковую картину мира М. Плисецкой.

Материал и методы. Языковым материалом исследования послужила книга воспоминаний балерины Майи Плисецкой «Я, Майя Плисецкая», а также лексикографические источники разных типов, на фоне которых рассматривался эмотивно-оценочный словарь языковой личности: Словарь русского языка (Малый академический словарь) и Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Использовались общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления, описательный метод), а также компонентный, дефиниционный, дискурсивный анализ и количественные подсчеты.

Результаты и обсуждение. И. В. Сталин занимает важное место в системе персонажей книги М. Плисецкой. Сопоставление данных социологических опросов показывает, что имидж Сталина в сознании россиян улучшился за последние 15–20 лет. Статистический анализ позволил раскрыть отношение Плисецкой к Сталину: имя вождя употребляется только в связке с отрицательной эмотивной лексикой, которая усиливается за счет яркой образности выбранных лексических единиц. Эмотивно-оценочная лексика несет высокую степень экспрессивности, именно в ней находят отражение система ценностей и особенности мировоззрения языковой личности автора. Основания оценки Сталина сложны и многообразны: результаты политической деятельности, психическое состояние, морально-нравственные качества и внешность вождя. Выявлена эмотивно-оценочная лексика в тексте языковой личности, проведен сопоставительный анализ словарных толкований с контекстной семантикой автора.

Заключение. В процессе описания Сталина часто употребляются бранные, просторечные слова, выражающие презрение, ненависть, возмущение и негодование, образ Сталина в картине мира М. Плисецкой оценивается крайне отрицательно. Вождь народов определяется как параноик, убийца, тиран и преступник. Если говорить о стратегиях выражения эмоций и оценок, то негативная информация вводится по-разному: кроме прямых оценочных речевых актов используются косвенные высказывания – явление энантиосемии, когда умышленно актуализируется диссонанс между положительной словарной коннотацией лексемы и отрицательным контекстом. Используются также разные фигуры речи: живые, образные метафоры, олицетворения, сарказм и ирония для выражения ненависти и презрения к Сталину.

Ключевые слова: языковая личность, образ Сталина, ценностная картина мира, эмотивно-оценочная лексика, эмотивно-оценочный дискурс, «Я, Майя Плисецкая».

Введение

Исследование языковой личности (ЯЛ) является одним из самых активно развивающихся направлений современной лингвистики. Идеи, на которых базируется теория ЯЛ, принадлежат В. фон Гумбольдту, Й. Л. Вайсгерберу, И. А. Бодуэну де Куртенэ [1], А. А. Потебне [2], А. М. Пешковскому. Эта проблематика изучается

во многих монографиях, статьях и диссертационных работах [3–8].

В современных исследованиях осмысливается интегративный характер теории ЯЛ, объединяющей проблемы изучения языковой системы, лежащей в основе речевой деятельности говорящего субъекта, порождения и восприятия текстов разных жанров, в которых ЯЛ имеет свое непосред-

венное воплощение и языковой способности говорящего человека. В них рассматриваются пути и методы моделирования ЯЛ. Языковой материал современных исследований заметно расширился в связи с появлением писательских словарей, языковых корпусов, результатов сопоставительных исследований, а также исследований, в которых лексическая и грамматическая семантика рассматриваются в соотношении с друг с другом.

Обсуждаются проблемы воплощения ЯЛ в разных дискурсивных практиках: предлагаются модели ЯЛ, реконструированные на основе научных, научно-популярных, публицистических, автобиографических и интернет-дискурсов. Как результат, представлены разные типы ЯЛ: ученого-филолога, диалектоносителя, участников интернет-шоу, взрослых и подростков [6, 9–15].

Исследование ЯЛ в разных дискурсивных практиках находит свое продолжение в создании лексикографических источников: Словаря языка Ф. М. Достоевского, Словарей языка М. Цветаевой и Ю. В. Трифонова, Словаря языка ученого-филолога Федорова, Словаря диалектной языковой личности и др.

В настоящее время дискурс воспринимается как интегральное понятие, включающее в себя не только традиционные языковые единицы, но и внеязыковое содержание человеческого сознания, коммуникативные акты, совершаемые говорящим. Ю. С. Степанов пишет: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном итоге – особый мир» [16, с. 44]. Исследование ЯЛ на материале дискурсов разных типов дает нам возможность детально познакомиться с коммуникативной деятельностью говорящего и с его миром: «...дискурс – это не новый объект лингвистики, но новый подход, взгляд на язык в антропоцентрической исследовательской парадигме» [6, с. 3].

Особой проблемой является исследование эмоционально-оценочной деятельности ЯЛ. Эмоционально-оценочный аспект играет важную роль в представлении ЯЛ. Так, В. А. Маслова отмечает, что в содержании парадигмы ЯЛ обычно включаются ценностный, культурологический и личностный компоненты, среди них ценностный компонент отражает мировоззрение, систему ценностей или жизненные смыслы ЯЛ [17, с. 118], это важные факторы, которые являются фоном всей языковой деятельности социума и конкретной ЯЛ. Люди выражают свои потребности через язык: «Все основные виды человеческих потребностей, удовлетворяемых в общении, так или иначе связаны с эмоционально-оценочным дискурсом: потребность в чело-

веческих связях, в самоутверждении, в привязанностях, в самосознании и в системе ориентации» [6, с. 4].

Ярким воплощением ЯЛ, с нашей точки зрения, является лексика, составляющая эмотивно-оценочный дискурс. Единицы вербально-семантического уровня отражают максимально полно эмоциональную и ценностную картину мира говорящего, особенно эмотивно-оценочная лексика, отличающаяся высокой степенью образности и экспрессивности. Частота словоупотребления, оценочная семантика, стилистическая окраска выбранных слов, особенности комбинации слов играют важную роль в моделировании всех уровней в структуре ЯЛ. Каждый текст оригинален и имеет свой неповторимый образ, задача лингвистов, изучающих ЯЛ автора, – восстановить речевой портрет пишущего по его тексту: происхождение, возраст, профессию, интересы, ценностные ориентиры, особенности «мировидения через призму языка» [18, с. 47].

Материал и методы

Материалом исследования послужили мемуары знаменитой балерины Майи Плисецкой «Я, Майя Плисецкая», а также лексикографические источники.

В Словаре русского языка (Малый академический словарь, МАС) представлена лексика русского литературного языка от Пушкина до наших дней (в первом издании показано состояние словарного состава литературного русского языка 1940–1950-х гг., во втором – 1960–1970-х гг.). Это совпадает с эпохой, в которой жила наша героиня. В Словаре наиболее полно отражен не только словарный состав современного литературного языка, но и часть широкоупотребительной лексики русского языка XIX в.

Другой словарь, который мы использовали в работе, – Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСУ) – привлекается как лексикографический источник, фиксирующий основные идеологические приметы сталинской эпохи, которые весьма существенны для языковой картины мира ЯЛ Майи Плисецкой.

В тексте воспоминаний мы вычленили эмотивно-оценочный дискурс, включающий эмоционально-оценочную лексику, которая составляет значимый фрагмент лексикона ЯЛ и репрезентирует ее эмоционально-оценочную картину мира. «Эмотивно-оценочный дискурс (ЭОД) является составной частью дискурса в целом, вычленяемой ввиду важности сферы квалификативной и эмоциональной деятельности человека по ориентации в мире и его упорядочиванию» [6, с. 4].

Методологической базой анализа являются общенаучные методы (наблюдения, обобщения, сопоставления, описательный метод), а также компонентный, дефиниционный, дискурсивный анализ и количест-

венные подсчеты. С помощью комплексной методики исследования смоделирован образ Сталина в языковой картине мира ЯЛ Майи Плисецкой.

Результаты и обсуждение

Основания оценки в дискурсе М. Плисецкой.

Майя Михайловна Плисецкая, одна из величайших балерин XX в., родилась в Москве 20 ноября 1925 г. Ее детство и вся сознательная творческая жизнь неразрывно связаны с советской эпохой, она являлась живым свидетелем того времени, которое нашими современниками воспринимается далеко неоднозначно. Плисецкая была удостоена звания народной артистки СССР, являлась лауреатом Ленинской премии, кавалером трех орденов Ленина, что свидетельствует о высоком социальном статусе и признании в советском обществе. Несмотря на это, в своей книге «Я, Майя Плисецкая» автор подвергает резкой критике советскую систему и бесменного лидера компартии и государства Сталина. Книга была закончена в начале 1990-х и опубликована в 1994 г., в то время автору исполнилось 69 лет. В мемуарах Майя Плисецкая часто ссылается на свои дневники, которые она вела на протяжении всей жизни. Автор завершил книгу уже в зрелом возрасте. Опираясь на свой жизненный опыт, она смогла описать то страшное время от первого лица.

В данной работе на материале ее книги и некоторых воспоминаниях о легендарной балерине, мы проведем анализ образа Сталина в личностной картине мира М. Плисецкой. Это поможет нам раскрыть причины, способствовавшие формированию ценностной картины мира ЯЛ, которая далеко не всегда совпадает с суждениями современников М. Плисецкой и представителями сегодняшнего общества.

И. В. Сталин – личность мирового масштаба. О вожде народов существует широкий спектр противоречивых мнений. Современные архивные данные и воспоминания очевидцев, ставшие достоянием общества, часто поражают нас фактами бесчеловечности и жестокости, когда одним росчерком пера решались судьбы народов, кардинально менялись миллионы жизней.

В 2019 г. социологи Левада-Центра провели опрос с целью выявить отношение россиян к И. В. Сталину. Результаты опроса показали, что начиная с 2001 г. уровень отношения к вождю народов достиг максимальных значений: 51 % опрошенных россиян положительно оценили Сталина, из них у 41 % Сталин вызывает уважение. Нужно отметить, что в 2001 г. с уважением относились к Сталину всего 27 % опрошенных. Неприязнь, страх, чувство отвращения и ненависти к Сталину испытывали 43 % опрошенных в 2001 г., однако в

2019 г. аналогично ответили всего 14 % респондентов. На вопрос «Какую роль сыграл Сталин в жизни страны?», в 2019 г. положительно ответили 70 % опрошенных, хотя в 2001 г. так думали всего 53 % [19].

Социологи отмечают, все большее количество жителей России оправдывает человеческие потери в сталинскую эпоху. В 2019 г. на вопрос «Оправданы ли человеческие жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, великими целями и результатами, которые были достигнуты в кратчайшие сроки?», положительно ответили 46 % опрошенных, отрицательно – 45 %, однако еще в 2008 г. с жертвами были готовы смириться всего 24 %, против – 60 % респондентов [20, 21].

Мы видим, что со временем в общественном сознании отношение к Сталину и его наследию претерпевает значительные изменения. Существует ряд причин, способствующих подобной трансформации общественного мнения, которые заслуживают отдельного социологического исследования, однако данная тематика не является ключевой задачей данной работы. Для филологов в процессе работы над реконструкцией индивидуально-авторской аксиологической картиной мира в первую очередь важно учесть вектор социального мнения.

Большая часть творческой жизни Майи Плисецкой пришлась на советские годы, и это не могло не сформировать твердых убеждений и эмоционального отношения к основным политическим реалиям страны. В книге «Я, Майя Плисецкая» автор прямо упоминает в тексте Сталина более 100 раз, из них более 40 раз имя вождя употребляется в связке с резко отрицательной эмотивной лексикой, меньше 5 раз – с оценкой рациональной, остальные случаи – это нейтральные лексемы или компоненты словообразования. Автор использует широкий пласт эмоционально-экспрессивной лексики, которая в толковых словарях квалифицируется как эмоционально-оценочные (негативные) единицы.

Необходимо отметить, что автор использует имя Сталина не только как собственное, но и как имя нарицательное со значениями ‘зверь’, ‘тиран’, ‘жестокость’. Одним из ярких примеров подобной метаморфозы является следующий отрывок из произведения. *Наша система, выпестовав Сталина, породила и **маленьких тиранов, мини-сталинных*** [22]. Прилагательное *сталинский* в большинстве случаев ассоциируется с жестокостью, террором, кровью и насилием. На страницах своей книги балерина пытается на примере собственной семьи максимально подробно объяснить причины подобного отношения. Майя Плисецкая не понаслышке была знакома с темной стороной сталинской эпохи: отец расстрелян, мать осуждена на 8 лет тюрьмы как жена врага народа. Большое ко-

личество репрессированных среди близких – все это оставило сильный психологический отпечаток в душе М. Плисецкой. Она, не скрывая, прямо говорит об этом читателям: *но с какого конца ни взглянешь на свое детство, все оборачивается к политике, к сталинскому террору.*

Личный жизненный опыт лег в основу формирования сугубо негативного отношения к Сталину как творцу «каторжной системы» и основной причины всех ее физических и душевных страданий. Майя Плисецкая ярко описывает нечеловеческую, маниакальную жестокость Сталина, масштабы и последствия которой вселяют ужас. Сталин нередко ассоциируется с *кроважидным зверем*, злодеяния которого преступают все человеческие рамки. В данных высказываниях мы находим массу эмоционально-оценочной лексики с категорически негативной семантикой: ее скопление усиливает интенсивность эмоциональной и оценочной информации. Далее мы попытаемся выявить основания оценки личности Сталина, на основе которых и формируется образ «отца народов» в картине мира ЯЛ автора.

Количественно преобладающая эмоциональная оценка в мемуарном дискурсе М. М. Плисецкой связана с жестокостью и коварством: можно выделить лексемы, прямо указывающие на жестокость / кроважидность вождя: 1) кроважидный – жаждущий крови, убийств, жестокий (МАС); 2) звериный – жестокий, свирепый; разг. чрезмерный, невероятно сильный (МАС); 3) коварный – скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел; вероломный (МАС); 4) мстительный – склонный к мщению, способный мстить (МАС); 5) палаческий – жестокий, зверский (МАС); 6) кровавый – сопровождающийся кровопролитием, связанный с кровопролитием (МАС); 7) палач – мучитель, притеснитель (МАС).

Отметим, что лексемы типа *палач* одновременно реализуют оба значения: «тот, кто осуществляет казнь» и «жестокий, безжалостный человек». В тексте наблюдается смысловая аппликация: одновременная актуализация прямого и переносного значений. Например, нечеловеческую, звериную жестокость вождя автор описывает как *кроважидные лапы Сталина, звериный сталинский процесс, день рождение кровавого тирана*. Часто используются синонимические ряды, в которых оценочные единицы путем семантического согласования увеличивают экспрессивность высказывания и дают четкую картину субъективного понимания страшной фигуры вождя народов: *коварная, мстительная, палаческая память Сталина; выжигалось Сталиным каленым кровавым огнем*. Из приведенных примеров эмоционально-оценочного дискурса складываются основные образы Сталина:

образ жестокого, коварного зверя, убийцы, палача. Подобный образ подкрепляют следующие лексемы: лапы, кроважидный, звериный.

Описание политической деятельности вождя как преступной, криминальной, является еще одним из важнейших показателей. Для экспрессии подобного суждения автор использует следующие лексемы: 1) криминальный – преступный, уголовный (МАС); 2) тиран – жестокий правитель, действия которого основываются на произволе и насилии (МАС); 3) убийца – преступник, совершивший убийство (МАС). Вышеуказанные лексемы чаще используются для прямого оценочного высказывания и являются эксплицитными средствами выражения мнения автора.

В ряде случаев автор прямым текстом называет Сталина преступником, убийцей: *Сталин говорил неторопливо, цедил – ему-то спешить вовсе было некуда, – с криминальным грузинским акцентом, почти по слогам; 2 марта 1953 года Левитан зачитал ледяным голосом бесперспективный бюллетень о здоровье подлинного убийцы – Сталина.*

В своем эмоционально-оценочном дискурсе автор настойчиво развивает тему психического расстройства Сталина, называя его *параноик Сталин, творивший кровавое зло*. В данном случае мы наблюдаем отсылку к его параноидальной мании преследования, которую другими словами автор называет *сталинской истерией о подстерегающих нас на каждом углу шпионах*. В языковой картине мира Плисецкой образ вождя вырисовывается как психически больной человек – параноик, способный на подобные кровавые, нечеловеческие преступления. Таким образом, преступный характер власти, жестокость палача и психическое расстройство – вот ключевые основания морально-нравственной оценки фигуры вождя.

Внешность Сталина также является предметом критики, автор не упускает возможности выразить свое отрицательное отношение к вождю народов. *Репетируют поклоны, выход, уход, реверанс к богу. Тут пишу бог с маленькой буквы, Сталин был роста мелкого*. Называя Сталина богом, но с маленькой буквы, автор иронично замечает невысокий рост вождя. На протяжении всего произведения М. Плисецкая язвительно подмечает физические изъяны «отца народов»: *тищедушное усатое тельце Сталина, рябая да усатая диктаторская морда*.

Основные стратегии ЯЛ в предъявлении негативной оценки. В процессе реализации оценки ЯЛ были использованы прямые и косвенные речевые акты. В прямых речевых актах мы наблюдаем усиление эмоционально-оценочного значения с помощью различных контекстуальных средств, употребления эмоционально-оценочных метафор и

синонимических рядов, использование лексемы *Сталин* в качестве имени нарицательного, массовое использование прилагательного *сталинский* с сугубо отрицательной семантикой.

Прямые эмоционально-оценочные речевые акты. Для выражения крайне отрицательной эмоциональной экспрессии к образу Сталина автор часто использует лексемы с пометами *груб. прост. сдохнуть, кокнуть, параноик, морда* и т. п. Подобные лексемы способствуют гиперболизации оценочного и эмоционального содержания. Одним из ярчайших примеров крайне отрицательного отношения к Сталину является реплика матери Плисецкой после объявления смерти вождя: *Сдох-таки тиран*. Автор сохраняет в цитате матери предикат *сдохнуть* (о человеке, Сталине), который в толковом словаре МАС имеет пометы ‘груб. прост.’, а его основное значение связано со смертью животного. Таким образом, ЯЛ присоединяется к чужой оценке вождя-палача, вождя-убийцы, тирана и преступника.

М. Плисецкая использует лексические единицы в их словарных эмотивно-оценочных значениях, усиливая коннотативные составляющие с помощью контекстуальных элементов. Как *гибель Мейерхольда всегда кроваво отсвечивает во мне все тем же именем – Троцкий: посвящение Мейерхольдом одного из своих спектаклей Троцкому упорно засело в коварной, мстительной, палаческой памяти Сталина*. В вышеуказанном примере мы наблюдаем подобное усиление отрицательной оценочной составляющей путем связывания Сталина со смертью режиссера Мейерхольда, которая *кроваво отсвечивает именем Троцкий*.

Отрицательная семантика лексемы *Сталин* в качестве имени нарицательного еще более усиливается с помощью окружающего контекста. *И помножьте все это на власть в тоталитарной системе, Маленьких Сталиных выпестовала немало наша рабская, а позже полурабская жизнь*. Советская жизнь описывается автором прилагательными *рабский* и *полурабский*, данные лексемы в словаре Ушакова (ТСУ) имеют семантику ‘совершенно покорный’, беспрекословный, а также помечены как ‘книж. пренебр.’. Рецензия в словарной статье на лексему *тоталитарный* также содержит однозначно отрицательный комментарий (новолат. *totaliter* – (объемлющий) целиком, полностью) *книж., употребляется в применении к фашизму, к фашистскому режиму (ТСУ)*. В России как стране, понесшей наибольшие потери в войне с нацистской Германией, любые ассоциации с фашистским режимом имеют строго негативную коннотацию.

Необходимо отметить обширное использование прилагательного *сталинский* как синоним жестокости, террора, крови и насилия. *Мы родились в бездонных болотных лабиринтах сталинской*

системы. Двадцать четыре часа в сутки нас окружала воинствующая ложь. Контекстные составляющие произведения, выраженные лексемами *бездонные болотные лабиринты, воинствующая ложь*, накрепко связывают лексему *сталинская система* с кровавым режимом насилия, террора, из которого нет выхода.

Использование прямых метафор, характеризующих вероломство и коварство Сталина, также довольно часто встречается в тексте произведения. Ликвидация Кирова описывается как *иезуитское убийство Сталиным Кирова*. Лексема *иезуитский* в МАС имеет переносное значение как ‘коварный, лицемерный, вероломный’. Таким образом мы наблюдаем семантическое согласование значения выбранной автором лексемы с общей оценочной тональностью объекта.

Косвенные эмоционально-оценочные речевые акты. Косвенными речевыми актами называют такие речевые акты, «иллюктивная цель которых присутствует имплицитно и выводится адресом благодаря его коммуникативной компетенции» [20, с. 54]. Что касается способов косвенной оценки, они также представлены довольно широко, из основных языковых средств выражения мы можем обозначить иронию, сарказм, созданных с помощью энантиосемии и своеобразного диалога-спора с официальной пропагандой, где автор высмеивает идеологическую позицию государства.

Критика в адрес Сталина часто выражается косвенно с помощью иронии, а языковыми способами организации иронического высказывания являются: а) оценочная энантиосемия; б) столкновение стилистически несовместимых единиц; в) столкновение прямых и переносных значений.

Очень часто автор использует оценочную энантиосемию, когда словарное значение слова диаметрально противоположно коннотациям, актуализирующимся в высказывании. Например, в выражении *сталинский материалистический рай* лексема *рай* является типичным примером оценочной энантиосемии, где читатель понимает коннотацию данного выражения, опираясь на широкий контекст. Аналогичным образом работает лексема *милый* в следующем предложении: *многие в классе тоже лишились родителей. На тот же милый сталинский манер*. В данном случае значение лексемы *милый* читатель интерпретирует как *жестокый, коварный, страшный*, что идеально согласуется с характером произведения. В выражении *великий палач Сталин* слово *великий* используется для эмоционального описания прямой причастности Сталина к массовым репрессиям и убийствам, его *величайшие* достижения в убийстве своих соотечественников. Эпитет *великий* применительно к личности диктатора был очень распространен в

официальных пропагандистских текстах, поэтому *великий палач Сталин* у Плисецкой – это еще и спор с ценностной парадигмой сталинской системы. В доказательство своих слов автор пишет: *чтобы рабы ощущали свое рабство вроде как норму, Сталин и убил 60 миллионов.*

Для такого рода высказываний важен контекст, дополняющий и объясняющий коннотацию слова. Например, для описания убийства своего отца автор сначала использует глагол *кокнуть* в прямом значении: *маленькая Майя с восторгом кокает об пол большой серебряный шар.* Сразу в следующем абзаце этим же глаголом *кокнуть* описывается убийство отца. Это создает у читателя ощущение легкости и безнаказанности убийства человека сталинской системой. *Я спросила в экстазе: А можно шарики кокать? – Можно, – беззаботно ответил Пикель. Я с визгом восторга кокнула об пол большой серебряный шар. А в тридцать седьмом-тридцать восьмом и Пикеля, и моего отца кокнул Сталин.*

Здесь кажущаяся стилистическая неуместность глагола в описании трагического события снимается благодаря сопоставлению прямого и переносного значений, объединенных семантикой легкости осуществления действия.

Еще один способ предьявить субъективную оценку – сопоставление личного мнения автора с официальной позицией советской пропаганды того времени. В шести случаях автор цитирует высокопарные штампы высказываний современников в адрес Сталина, но только для того, чтобы более ярко показать всю абсурдность происходящего. Ирония и сарказм являются излюбленными приемами балерины, которыми она выражает свое несогласие с официальной позицией советского режима. Подобного рода пропагандистские цитаты находятся в полном диссонансе с мнением автора и еще более усиливают отрицательную оценку объекта. Подчеркивается лживость и лицемерие средств массовой пропаганды того времени путем цитирования газетных штампов:

1. *Задание Родины выполнено, дорогой товарищ Сталин.*

2. *Присутствующие дружно берутся за руки, пропевают тот же новиковский гимн, в экстазе скандируют: Сталин, Сталин, мир, мир, дружба, дружба... Я прямо в пачке, перьях, не сняв грима, держу за руки рослого грека с миловидной гречанкой – у них национальный флаг на майках – и силюсь петь со всеми. Старание мое удваивается, как вижу совсем близехонько внимательные глаза лощеного комсомольского клерка.*

Майя Плисецкая демонстрирует свое молчаливое несогласие с пропагандой советского времени, автор под страхом расправы преодолевает свой

внутренний протест и поет ненавистные ей строки. Автор дает понять, что всегда присутствовали представители органов контроля, которые находились в более привилегированном положении.

3. *Божественные откровения усатого Сталина. И прочая абракадабра. Ничего не понимаю. Хлопаю слипающимися глазами, изображаю неподдельный интерес.* В данном примере мы наблюдаем неприятие автором советской идеологии, которая в его глазах просто *абракадабра*. Автор с сарказмом называет труды Сталина *божественным откровением*, которые таким образом воспринимаются многими, но не самой М. Плисецкой.

4. *Слава летчика Чкалова затмила Александра Македонского, Наполеона и Тамерлана. Начала подбираться аж к божественному лику самого Иосифа Виссарионовича. Впрочем, по новейшим, недавно раскрытым документам это стоило талантливому асу жизни. Возносить до небес Сталин предпочитал мертвых.* Сопоставление Сталина с Богом (божественный лик) передает читателю высокий градус культа личности Сталина той эпохи и неприятие этого автором текста.

5. *Наши братские советские народы ломали голы, какой сюрприз приготовить благодетелю человечества к светлому празднику. Даже открыли музей подарков венценосному вождю. Газеты печатали океаны телеграмм и писем, адресованные «дорогому Иосифу Виссарионовичу». Все «изгалялись» в подхалимаже, какие бы еще слова выдумать, как бы поиступленнее лизнуть, отличившись, рябую да усатую диктаторскую морду.*

В данном примере автор выражает резкое неприятие активно продвигавшегося советскими властями изошренного культа личности Сталина. Мы замечаем в сочетании *благодетель человечества* столкновение субъективного мнения автора с официальной позицией властей, в свете которой Сталин – *венценосный вождь, дорогой Иосиф Виссарионович*, а его годовщина – *светлый праздник*. Однако от своего имени автор называет Сталина *рябой усатой диктаторской мордой*, а поздравления и подарки в адрес Сталина – *подхалимажем и иступленным лизанием*.

6. *Кухарский невзлюбил меня. Он шел в атаку за Сталина, за Родину, и поднятый на его кумира кулак был Кухарскому ненавистен.* Автор иронично критикует безоговорочную веру сталинским идеалам и с немалой долей сарказма хочет донести читателю, что идти на смерть за Сталина глупо, а родина и «отец народов» не есть одно и то же. Языковым средством создания злой иронии и сарказма является употребление очень положительных лексических единиц, которые в соответствующем контексте меняют знак оценки, усиливая свою экспрессивность и выразительность: *благодетель*

человечества; венценосный вождь; дорогой Иосиф Виссарионович; божественный лик; божественное откровение; дорогой товарищ Сталин.

Заключение

Опираясь на анализ эмоционально-экспрессивной лексики в книге «Я, Майя Плисецкая», мы приходим к заключению, что в личностной картине мира автора Сталин оценивается крайне негативно. Подобное суждение является мотивированным и взвешенным. ЯЛ создается образ звериной и палаческой жестокости, коварства и злопамятности. Сталин предстает перед читателем как психически больной, с паталогической манией преследования диктатор.

Автор формирует данный образ с помощью прямых и косвенных речевых актов. Прямые речевые акты представлены лексемами, содержащими отрицательную семантику, другими элементами текста, усиливающими оценочное содержание, синонимическими рядами и метафорами. Например, автор использует синонимические ряды прилагательных *кровавый, кровожадный, палаческий, изуитский*, которые можно отнести к эксплицитным формам оценки, формирующим образ Сталина-убийцы. Также в прямых речевых актах для описания вождя народов автор часто применяет стилистически сниженную лексику: просторечье и бранные слова (*цедить, кокать, параноик* и т. п.).

Что касается косвенных речевых актов, Майя Плисецкая не менее часто использует имплицитную форму выражения своего отрицательного мнения, которая считывается читателем из общего

смысла произведения. Подобная энантиосемия положительных оценочных единиц актуализируется с помощью контекста высказывания и всего текста. К данным высказываниям можно отнести *сталинский материалистический рай, милые сталинские манеры*, где автор с помощью положительно ориентированных лексем выражает свое негативное отношение. В другом случае положительные словарные единицы приобретают негативную семантику, пребывая в одном высказывании рядом с отрицательными единицами. Например, официальные высказывания в адрес Сталина: *божественный лик самого Иосифа Виссарионовича, благодетель человечества, венценосный вождь*, создают с окружающим контекстом антонимию оценочных значений, когда за негативной оценкой стоит автор мемуаров, а позитивные единицы отображают ценностную парадигму власти. Сарказм и ирония – излюбленный прием критики официальных пропагандистских заявлений советского режима, автор в высказывании демонстрирует всю лживость и несостоятельность широко использовавшихся пропагандистских штампов того времени.

М. Плисецкая использовала различные риторические приемы: цитирование штампов, метафора, олицетворение, сарказм и ирония, в которых отражается ее отношение к Сталину: ненависть и презрение. Эмоциональное состояние и оценочное мнение автора выражаются яркими эмоционально-оценочными лексемами, среди них преобладают прилагательные и существительные с разной стилистической окраской: от книжных и нейтральных единиц до просторечных и бранных.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию. М.: ЛКИ, 2010. Т. 2. С. 87–115.
2. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее соотношении к разновидностям текстов: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 354 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
6. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск: НГПУ, 1999. URL: <https://lib.nspu.ru/views/library/287/read.php> (дата обращения: 15.07.2020).
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
8. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 72 с.
9. Курьянович А. В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТГПУ, 2001. 25 с.
10. Ляпон М. В. ЯЛ: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 260–276.
11. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты. Саратов, 1999. 179 с.
12. Залогина Е. М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты (на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
13. Шаховский В. И. Категоризация эмоции в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 190 с.
14. Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 515 с.

15. Захарова А. В. Психология формирования самооценки. Минск: Белинкомаш, 2010. 145 с.
16. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 35–73.
17. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
18. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский языка рубежом. 1996. № 1–2–3. С. 47–56. URL: <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/1996/1-2-3/4759.html> (дата обращения: 14.08.2020).
19. Карина Пипия. Динамика отношения к Сталину. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (дата обращения: 15.07.2020).
20. Ползучая сталинизация // Коммерсантъ. № 38. 06.03.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/655160> (дата обращения: 15.07.2020).
21. Рождение российских СМИ. 1988 год: Идеологический разлом. 2015. URL: <https://gorbymedia.com/post/1988-review> (дата обращения: 15.07.2020).
22. Плисецкая М. М. Я, Майя Плисецкая. URL: http://royallib.ru/book/plisetskaya_mayya/ya_mayya_plisetskaya.html (дата обращения: 15.07.2020).

Хуан Сююй, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 28, г. Новосибирск, Россия, 630126).
E-mail: huangxiaoyu0918@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31.08.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-9-17

THE IMAGE OF STALIN IN M. PLISETSKAYA'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Huang Xiaoyu

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

Introduction. The linguistic personality is embodied in different linguistic materials, its modeling is based on the analysis of various kinds of texts. The study of linguistic personality in the emotive-evaluative discourse reveals the emotional and value picture of the speaker's world and his communicative strategies in the emotional and evaluative interpretation of reality. This article presents an analysis of the image of Stalin in the value world picture of M. Plisetskaya, represented in the emotional and evaluative discourse of her memoir.

The aim of the work is revealing emotive-evaluative vocabulary in the emotive-evaluative discourse of our linguistic personality and determining the main strategies in presenting negative assessments of Stalin, and reconstructing M. Plisetskaya's linguistic picture of the world.

Material and methods. The linguistic material of this research is the memoir of ballerina Maya Plisetskaya «I, Maya Plisetskaya», as well as other lexicographic sources: Dictionary of Russian language (Small Academic Dictionary, MAS), Explanatory Dictionary of Russian Language, edited by D. N. Ushakov. Methods and techniques used in the work: quantitative analysis of emotive-evaluative vocabulary, contextual, definitional and discourse analyses and the method of cognitive modeling.

Results and discussion. I. V. Stalin takes an important place in the character system of M. Plisetskaya's book. Social Survey shows that the image of Stalin in the minds of Russians has improved over the past 15–20 years, in contrast to this, M. Plisetskaya in her book assesses Stalin purely negatively, the name of the leader is used only in the context of negative emotive vocabulary. Emotive-evaluative vocabulary carries a high degree of expressiveness, reflects the system of values and particularity of the worldview of the linguistic personality. Stalin was evaluated in different ways: political activity, mental state, moral and ethical qualities and appearance. Having identified emotive-evaluative vocabulary in the linguistic personality's text, we took a comparative analysis with the contextual semantics. During our work, we found that the evaluation of Stalin in most of the cases is realized with the help of negative emotive vocabulary, the vivid expression of which forms the picture of the world of M. Plisetskaya.

Conclusion. In the process of describing Stalin, abusive, vernacular words with a strong expressive coloring are often used, expressing contempt, hatred and indignation. The image of Stalin in M. Plisetskaya's world picture is assessed extremely negatively, the leader is defined as a paranoid, murderer, tyrant and criminal. If we talk about strategies for expressing emotions and evaluations, then negative information is introduced in different ways: direct evaluative speech acts, indirect statements – the phenomenon of evaluative enantiosemia, when the dissonance between the positive dictionary connotation of the lexeme and the negative context of the text is deliberately actualized. Various figures of speech are also used: lively, figurative metaphors, personifications, sarcasm and irony to express hatred and contempt to Stalin.

Keywords: *linguistic personality; the image of Stalin; value picture of the world; emotive-evaluative vocabulary; emotive-evaluative discourse; «I, Maya Plisetskaya».*

References

1. Boduen de Kurtene I. A. Yazyk i yazyki [Language and languages]. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu* [Selected works on general linguistics]. Moscow, LKI Publ., 2010. pp. 87–115 (in Russian).
2. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. In: Potebnya A. A. *Slovo i mif* [Potebnya A. A. Word and Myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. pp. 17–200 (in Russian).
3. Bogin G. I. *Model' yazykovoy lichnosti v eye sootnoshenii k raznovidnostyam tekstov*. Dis. ... dokt. filol. nauk [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts. Diss. of doct. of philol. sci.]. Leningrad, 1984. 354 p. (in Russian).
4. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p. (in Russian).
5. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 389 p. (in Russian).
6. Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 1999 (in Russian). URL: <https://lib.nspu.ru/views/library/287/read.php> (accessed 15 July 2020).
7. Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta [language of the intellectual: an attempt at a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian language and Linguistic Theory*, 2001, no. 1, pp. 90–106 (in Russian).
8. Krasnykh V. V. *Struktura kommunikatsii v svete lingvokognitivnogo podkhoda (kommunikativnyy akt, diskurs, tekst)*. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [The structure of communication in the light of the linguocognitive approach (communicative act, discourse, text). Abstract of thesis of doct. of philol. sci.]. Moscow, 1999. 72 p. (in Russian).
9. Kur'yanyov A. V. *Kommunikativnye aspekty slova v epistolyarnom diskurse M. I. Tsvetaevoy*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Communicative aspects of the word in the epistolary discourse of M. I. Tsvetaeva. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Tomsk, 2001. 25 p. (in Russian).
10. Lyapon M. V. YaL: poisk dominanty [Linguistic Personality: Search for a Dominant]. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language—System. Language—text. Language—ability]. Moscow, 1995. pp. 260–276 (in Russian).
11. Sedov K. F. *Stanovleniye diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti: Psikh- i sotsiolingvisticheskiye aspekty* [Formation of discursive thinking of a linguistic personality: Psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov, 1999. 179 p. (in Russian).
12. Zalogina E. M. *Yazykovaya lichnost': lingvisticheskiy i psikhologicheskiy aspekty (na materiale romana «Besy» i «Dnevnik pisatelya» F. M. Dostoevskogo)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic personality: linguistic and psychological aspects (based on the novel “Demons” and “Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. St. Petersburg, 2004. 24 p. (in Russian).
13. Spakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Voronezh, 1987. 190 p. (in Russian).
14. Lappo M. A. *Samoidentifikatsionnyy diskurs russkoy elitarnoy yazykovoy lichnosti*. Dis. ... dokt. filol. nauk [Self-identification discourse of the Russian elite linguistic personality. Diss. of doct. of philol. sci.]. Novosibirsk, 2018. 515 p. (in Russian).
15. Zakharova A. V. *Psikhologiya formirovaniya samootsenki* [Psychology of the formation of self-esteem]. Minsk, Belinkomash Publ., 2010. 145 p. (in Russian).
16. Stepanov Yu. S. *Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti* [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late twentieth century]. Moscow, 1995. pp. 35–73 (in Russian).
17. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
18. Yakovleva E. S. *K opisaniyu russkoy yazykovoy kartiny mira* [To the description of the Russian language picture of the world]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 1996, no. 1–2–3, pp. 47–56 (in Russian). URL: <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/1996/1-2-3/4759.html> (Accessed 14 August 2020).
19. Karina Pipiya. *Dinamika otnosheniya k Stalinu* [The dynamics of attitudes towards Stalin] (in Russian). URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (Accessed 15 July 2020).
20. *Gazeta «Kommersant». Polzuchaya stalinizatsiya* [Creeping Stalinization]. No. 38 of 03.06.2006 (in Russian). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/655160> (Accessed 15 July 2020).
21. *Rozhdeniye Rossiyskikh SMI. 1988 god: Ideologicheskiy razlom* [1988: Ideological rift]. 2015 (in Russian). URL: <https://gorbymedia.com/post/1988-review> (Accessed 15 July 2020).
22. Plisetskaya M. M. *Ya, Maya Plisetskaya* [I, Maya Plisetskaya]. URL: http://royallib.ru/book/plisetskaya_mayya/ya_mayya_plisetskaya.html (in Russian) (Accessed 15 July 2020).

Huang Xiaoyu, Graduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).
E-mail: huangxiaoyu0918@yandex.ru